

Скоропостижка. Судебно-медицинские опыты, вскрытия, расследования и прочие истории о том, что происходит с нами после смерти

Автор:

Ольга Фатеева

Скоропостижка. Судебно-медицинские опыты, вскрытия, расследования и прочие истории о том, что происходит с нами после смерти

Ольга Сергеевна Фатеева

Неестественные причины. Книги о врачах, без которых невозможно раскрыть преступление

Эта книга – о реалиях работы судебно-медицинского эксперта с 15-летним стажем. Откровенно автор говорит о том, о чем далеко не каждый решится знать. Различные виды насильственной и – реже – естественной смерти, утопленники, подснежники, отравления, многочисленные болезни, колрезы, огнестрелы, удавления – вы узнаете, как человек хрупок и жесток. Эта книга – сборник пронзительных историй, каждая из которых – контакт с неизбежным, жутким и непостижимым.

Ольга Сергеевна Фатеева

Скоропостижка

Судебно-медицинские опыты, вскрытия, расследования и прочие истории о том, что происходит с нами после смерти

Введение

Мои знакомые и друзья часто спрашивают: почему я не пишу детективы или, может быть, сценарии? У меня же обилие материала, богатая фактура, уникальные знания, опыт. Я действительно не пишу детективы – судебная медицина, как и любая другая специальность, полна обыденности и рутины. Когда я смотрю фильмы, детективные сериалы, я восхищаюсь оснащённостью лабораторий, где можно за пару минут провести все анализы и тесты, удивляюсь суперподготовке специалистов, которые и препараты в микроскоп разглядывают, и стреляют, как мастера спорта, и за преступниками бегают. В обычной жизни химический анализ на наркотики и психотропные делается месяц. И возможности судебно-медицинской экспертизы не безграничны, а заключения не абсолютны.

Сейчас в «Эксмо» выходит серия детективов Марии Долонь. Мы знакомы, и иногда девочки, пять соавторов, задают мне разные вопросы. Я стараюсь им помогать, отвечать, как бывает, а как нет. На первых наших посиделках с Долонь одна из авторов сказала: «Хорошо, Оль, давай мы сразу исключим судебно-медицинских экспертов из предполагаемой читательской аудитории, это же очень маленький процент». Когда я найду способ соединить всю унылую каждодневную судебно-медицинскую правду с художественным вымыслом, с лихо закрученным сюжетом, я напишу детектив, а потом, может быть, даже и сценарий сериала по нему.

В этой книге я решила заняться развенчанием мифов о судебной медицине, образе эксперта и вообще всех, кто работает в морге, и прибегнуть к любимому методу – обнажить приём. Авторская речь от первого лица, смесь дневника, эссе, очерка, журналистского расследования – о, богатые возможности нон-фикшн! Возможность поразмышлять, немного пофилософствовать, рассказать о проблемах современной отечественной медицины на материале собственного опыта. Разумеется, с историями из жизни и примерами.

За название благодарю Марию Константиновну Голованивскую. Когда-то в школе «Хороший текст» выпустили жизнеутверждающий альманах «Короче, все умерли», там был и мой текст про восьмерых пожарников, погибших при тушении пожара на складе в Москве: обрушилась кровля, на складе никого не было, но была опасность, что огонь перекинется на соседние жилые дома, это в выходные-то вечером. Восемь профессионалов провалились вместе с кровлей в самое пекло. Это настолько поразило меня, что я написала текст. Название дала самое простое и спорила с редактором альманаха, доказывая, что

понравившееся ей слово «скоропостижка» не имеет отношения к насильственной смерти на пожаре и никак не может быть названием. Время прошло, я научилась давать своим текстам более интересные, цепляющие названия и, приступая к этой книге, сразу решила, что назову ее именно «Скоропостижка», спасибо Марии Голованивской.

Призвание

В интернатуре я дежурила вместе с экспертом из нашего морга. Ездил вместе с ней на выезды в составе следственно-оперативной группы – той самой, которую часто показывают в фильмах и сериалах под громкий призыв: «Группа, на выезд!» Мне нужно было учиться осматривать и описывать трупы на месте происшествия, это неотъемлемая часть работы эксперта. Даже если вы никогда не будете дежурить сами, с протоколами осмотров неизбежно встретитесь в морге. Чтобы понять весь процесс, нужна практика – самому в поле: и в квартиру с тараканами, и в сгоревший залитый гараж, и в заболоченный овраг ночью, и в лес зимой, и в коллектор. Я дежурила с Г. У нее было лет двадцать, а то и больше стажа к тому времени. Приехали мы на вызов в стандартную двухкомнатную квартиру в девятиэтажке, где-то на Юго-Западе. На полу одной из комнат мужчина лет сорока, с начальными признаками гниения, накрыт с головы до пят одеялом, веревкой с гирей привязан к ножке кровати. На голове ушибленная рана, кровоподтеки. Выясняем. Отец семейства. Жена, сын в третьем классе. Ютятся все в одной комнате, вторую сдают. У мужа габитус, то есть внешний вид, злоупотребляющего алкоголика, тот тип, когда люди высыхают, уменьшаются, тончают как-то. Живые обитатели жилища, включая квартиранта, все в отделении. Легенду узнаем от оперов: пришел на днях пьяный, шатался, жену с сынишкой доставал, потом упал. Осматриваем труп, следовательно пишет протокол, про труп – под диктовку Г., Г. ощупывает голову, кости свода черепа явно патологически подвижны, можно предположить, что причиной смерти явилась черепно-мозговая травма. Не нравится расположение ушибленной раны на голове – не совсем типично для падения: жена говорит, что упал он, как все падают, назад, на спину. А рана сбоку, на виске. Или падал по-другому, или, может быть, на выступающий предмет приземлился. Или вообще ударили. Опера все время на связи с отделом. Говорят, что показания квартиранта и жены расходятся. Квартирант слышал шум и крики в один вечер, жена умершего показывает, что все произошло в другой. Вокруг головы трупа очень мало крови, хотя раны головы обильно кровят, здесь хорошее

кровообращение. Криминалист осматривает квартиру на предмет следов крови. Следователь и оперативники интересуются давностью наступления смерти. К сожалению, эксперт дает большой разброс времени, до нескольких суток. Трупные явления[1 - Изменения, которым подвергаются органы и ткани трупа после наступления биологической смерти. Трупные явления подразделяются на ранние и поздние. К ранним относятся охлаждение трупа, трупные пятна, мышечное окоченение, высыхание и аутолиз; к поздним - гниение, мумификация, жировоск и торфяное дубление. - Прим. ред.] сложно анализировать у тела, которое лежало под одеялом. И вот наша работа закончена. Я брожу по квартире, где уже можно, осматриваю вещи, листаю тетради сына покойного. Они лежат на столе в той же комнате, где и тело отца. Письменный стол стоит вплотную к кровати. Чтобы сесть за него, мальчику надо было перешагнуть через голову, дальше стул не отодвигался. Старательный детский почерк, тетрадь для занятий по русскому языку ученика третьего класса «Б». Домашние задания чередуются с классными работами, ничего не пропущено, ошибки, красная ручка учительницы. Окна открыты, теплый май, самое начало, всюду надрываются птицы, пахнет нарождающейся травой, набухшими почками.

Листаю машинально, не читая, тетрадь почти закончилась. На предпоследней странице глаз цепляет короткую, в несколько строк, запись. Странная домашняя работа, мелькает в голове. Потом, как положено, отступ: два пальца слева. И с красной строки: «Мама папу удавила».

Тетрадь, разумеется, изымают, а потом все раскручивается, как в кино, с конца в начало. Уставшая, измученная женщина ударила один раз мужа, чтобы он успокоился, тот упал, она оттащила его с прохода, связала руки и ноги, привязала к кровати, для верности примотала гирю. Муж лежал без сознания какое-то время, а потом стал дергаться, мычать, напугал сына, тот расплакался, а мать, чтобы все наконец-то уgomонились, «успокоила» мужа подушкой, которую до того подкладывала ему под голову, чтобы кровь не текла на пол. Я до сих пор помню зрительно, где были эти строки, - внизу листа, справа на развороте. Помню планировку квартиры и обои в коридоре, как стояла мебель и где было окно в комнате с трупом.

Старательный детский почерк, тетрадь для занятий по русскому языку ученика третьего класса «Б». На предпоследней странице глаз цепляет короткую, в несколько строк запись: «Мама папу удавила».

С дежурств я ушла, когда узнала, что беременна, и после рождения ребенка уже не вернулась, хотя считаю работу в следственно-оперативной группе очень интересной. В практике был еще первый пропущенный огнестрел – убийство девушки-продавщицы в уличном ларьке. Зияющая дыра с рваными краями на груди и мелкие серые шарики, застрявшие в мягких тканях спины. На коже крестообразные раны, очень напоминающие надрезы, шарики вываливались из них при легком нажатии. Приехали милицейские начальники, мне вдвойне страшнее от их присутствия. Все требовали от меня ответов, а я растерялась, не могла сказать ни слова. Толпа мужчин смущала, нервировала, раздражала. Пока кто-то из этой толпы не поднял тот самый металлический шарик со словами: «Дробь» – и тогда все прояснилось.

Роман

Я пришла в судебную медицину в 2004 году, в городскую интернатуру на базе одного из моргов, где и сейчас находится кафедра судебной медицины медицинского университета. До мединститута я проучилась три курса на филологическом факультете МГУ, отделение русского языка и литературы. На филфаке я мучилась вопросами смысла учебы, всей своей специальности, не понимала, кем и как смогу работать потом. Я отчаянно хотела приносить пользу людям. Завидовала тем, кто что-то делает руками: ювелирам, реставраторам, портным, часовщикам и так далее. Медицина казалась мне самой полезной профессией на тот момент.

Многие студенты-филологи подрабатывали, и я тоже устроилась в гостиницу «Севастополь», отвечала за телефонные переговоры, связь у гостей через коммутатор, жила в общежитии на Вернадского. Смена сутки-трое, администраторы, охранники и я, двадцать четыре часа рядом. В нашей работал Николай Александрович, красавец, на которого заглядывались все гостиничные дамы. Я недавно школу закончила – ему двадцать восемь. Брала номер, секс, короткий сон (гостям никто не мог дозвониться, коммутатор не отвечал). Любовная связь была короткой и бурной. Его пост удачно располагался напротив моей стойки. Мы много разговаривали, находили время, он рассказывал о себе, я с влюбленными глазами слушала. Он говорил о медицине. Между сутками в гостинице – хирург-андролог, экзотическая специальность, сложные операции.

Николай Александрович был со мной честен, не раздавал обещаний и все-таки уволился. Я грустила и разыгрывала воображаемые встречи. Летом я пропустила всю сессию, просто не пошла, встала в график сутки через сутки (разрешили, работала я без трудовой книжки и без договора), накопила денег, а с сентября поступила на подготовительные курсы во второй мед и нашла репетиторов по химии и биологии.

В последний месяц перед вступительными экзаменами после смены в гостинице я ехала сначала в Коньково на химию, потом на Красные Ворота – на биологию. В метро повторяла домашние задания. Каждый день новые задания, каждый день уроки. Занятия пропускала только из-за работы. Питалась тогда я, кажется, исключительно пельменями и спала часов по пять. Вступительные сдавала тоже после суток. Никто не верил, я никого не слушала и шла напролом. Поступила. Бабушка и мама были против.

Описание механизма родов, вроде бы сугубо научное, медицинское, очень похоже на мистический рассказ с хорошим концом. Хотя все и расписано по пунктам – действие гормонов, последовательность этапов, – роды, как и смерть, для меня загадочный процесс, завораживающий.

В судебку я пришла с пятого курса. После цикла в институте (мы учились на старших курсах циклами, например, три недели гнойной хирургии в больнице каждый день, потом сразу экзамен или зачет) я стала ходить на студенческий научный кружок на кафедре. По субботам, кажется, с восьми утра, когда мой муж, историк, с удовольствием отсыпался, как и все нормальные люди. К моему возвращению он как раз вставал и за кофе с интересом расспрашивал, что я там навскрывала.

Кружок вел преподаватель кафедры, профессор О. Он на полставки работал в городском морге, отделении Бюро судебно-медицинской экспертизы Москвы, который как раз находился в одном здании с кафедрой. Очень удобное соседство для практических занятий студентов. Вскрывал О. по субботам, а точнее, мы, кружковцы, вместо него. Он не боялся отдать нам труп, изредка спускался в секцию, потом выписывал свидетельства о смерти. Главное – не пропустить убийство. Мы были предоставлены сами себе. Сколько некрасивых, неправильных с точки зрения секционной техники разрезов я сделала. Сколько патологических изменений наверняка не заметила. Теперь я уверенно полагаюсь

на свою внимательность, потому что тогда рассчитывала только на себя. Вскрывала, смотрела во все глаза, а потом задавала вопросы и читала про увиденное в книгах.

Мое обучение было сугубо практическим. На кружок приходили ординаторы, помогали нам, контролировали нас, чтобы, не дай бог, мы не пропустили чего-то по-настоящему важного, вычитывали потом наши акты судебно-медицинского исследования, поправляли, объясняли. К окончанию института я могла уже более или менее сносно вскрыть скоропостижный[2 - Скоропостижной называется быстро наступившая смерть среди кажущегося здоровьем от скрыто протекающего заболевания. - Прим. ред.] труп и даже простенькую ЧМТ[3 - Черепно-мозговая травма. - Прим. ред.]. Летом я приходила вскрывать за О. еще и на неделе, в морге меня уже знали.

В мединституте, кроме судебной медицины, мне понравилась еще одна специальность – акушерство. Описание механизма родов, вроде бы сугубо научное, медицинское, как я сейчас понимаю, очень похоже на мистический рассказ с хорошим концом. Хотя все и расписано по пунктам – действие гормонов, последовательность этапов, – роды, как и смерть, для меня загадочный процесс, завораживающий.

Потому что так и остается непонятным, почему рождается именно этот человек и именно в это время, почему запускаются роды или вдруг наступает смерть. Почему кому-то на голову ни с того ни с сего падает кирпич, почему у кого-то развивается рак?

В акушерстве я не смогла почувствовать свои руки. Я до сих пор уверена, что это немного шаманство, магия, провидение. Руки, как у экстрасенсов или бабушек-знахарок в деревнях, должны сами чувствовать и сами по себе работать. Интуиция, третий глаз, внутреннее знание – назовите как хотите. Да, это говорит человек с высшим медицинским образованием, врач самой бездушной специальности. Я так хотела работать именно руками, приносить пользу, но рук своих и испугалась. В судебной медицине руки задействованы, но таинство запускается не только через них, таинство это иного рода, и не так страшна вероятность навредить. Разумеется, если по вашему заключению сядет невиновный – это страшно, но смерть новорожденного из-за вашей ошибки куда страшнее.

Смерть

Приступ ненависти к своей работе я испытала год назад, когда умирала моя бабушка, ей было девяносто семь лет. Умирала долго, от рака, в Челябинске, моем родном городе, с ней жила моя мама. Я ждала от нее отмашки, чтобы сорваться и ехать. Помогать ухаживать или прощаться. Я видела подобные случаи. Диагноз «папиллярный плоскоклеточный рак кожи носа с метастазами в шейные лимфатические узлы, очагами некрозов и распадом, наружные гнойные свищи левой боковой поверхности шеи» звучит красиво. Огромная безобразная сочащаяся шишка, занимающая половину шеи и деформирующая лицо, на живом человеке, особенно на твоей родной бабушке, выглядит ужасно.

Я долго потом жила с ощущением, что после увиденного не смогу зайти в секционный зал, разговаривать с родственниками, прикрываться умными латинскими и греческими терминами, пожимать плечами. Как я могу давать красивые названия, классифицировать, выстраивать цепочки осложнений и рассуждать, что из чего проросло, развилось и за чем последовало? Я испытывала ненависть к праву ставить диагнозы и определять причины смерти, к специальности, в которой проработала пятнадцать лет.

А с бабушкой больше уже и не поругаешься никогда. Последние дни сознание было спутанным, опухоль настолько деформировала лицо, проросла в нижнюю челюсть (патологический перелом в итоге, с которым ничего сделать нельзя), что совсем нельзя было понять, что она говорит. А она, как назло, говорила, говорила и плакала.

Приходя к смерти каждый день, я ни разу ее не видела. Я никогда не видела, как умирают люди. На практике в институте не встретилось, а единственной личной смертью пока что была смерть деда, которая случилась без меня. Я как раз училась в Москве. Мама и бабушка оберегали меня и даже не сказали сразу, что дед умер, хотели дождаться каникул. Проговорилась дальняя родственница, посчитала своим долгом сообщить. В том же году я бросила учебу на филологическом факультете МГУ. Мама с бабушкой считали, что, будь дед жив, я бы не посмела. А знакомый коуч уверена, что я до сих пор расследую обстоятельства его смерти, поэтому и оказалась в медицине и именно в судебке. Как знать. Год назад смерти я испугалась.

Помню, самолет снижался, и мне было страшно. Я боялась не авиакатастрофы, я боялась встречи. Мы с дочерью летели к бабушке. В день отъезда я, как обычно, пришла в морг, получила работу и поняла, что не могу войти в секцию. Под разными предложениями – позавтракать, выпить чаю, кофе, срочно закончить один акт, обсудить сложный случай с шефом – я оттягивала этот момент. Звонила мужу, подруге-фельдшеру – астрологу по совместительству. Пыталась найти способ преодолеть страх. Преодолеть не удалось, он остался, пришлось просто пойти и сделать, что должна.

Из аэропорта ехали на такси, ни о чем не думали, молчали. Вечер, дорога темная, пустая, желтые фонари. Бордюры из сугробов, дорога расчищена, редкие снежные стопки блинов на черных ветках, слоистые, как в тарелке, но легкие ветки не прогибаются. А Москву замело, только мы улетели. В городе люди, машины, огни, дома казались полупрозрачными на клубящемся небе. Тоска. Не та благодатная, которая положена вернувшемуся в город детства, а новая, пустая, жестяная.

Бабушка была уже в коме, второй день не ела и не пила, даже перестала облизывать губы, когда смачиваешь. Мы приняли решение не ставить ей поддерживающие капельницы, не проводить реанимацию. Глаза она уже не открывала, взгляд не фиксировала. По шкале комы Глазго 6–5 баллов. Дыхание тяжелое, клочкотало. Тахикардия 110–120 при низком давлении 90/60 мм рт. ст. Губы сухие, в тонких полупрозрачных корках, руки прохладные на ощупь, берешь в свою – легкие, почти невесомые. Пальцы поджаты, кожа на ощупь – высохшие осенние листья, которые крошатся, ломаются.

Смерть сама примиряет с собой, если дает время. За две тысячи километров я мучилась разными вопросами, а на месте простые решения и простые действия успокаивали. Отпустили, главное – обезболить, не продлять страдания. Страх есть, но его и нет, мужества не требуется или требуется, но оно приходит само, из ниоткуда. Только не изводить себя и маму дразгами, кто виноват и что еще можно было сделать. Вера Павлова рассказывала, как писала стихи у постели умирающего мужа. Я пишу, это мой способ, и это честно.

Увезли нашу бабушку, такую маленькую в черном трупном мешке. Последние часы она тяжело дышала, грудь раздувалась высоко, но реже и реже. Помогала животом, вскидывала его, резко, вразной с дыхательными движениями. Дышала тихо почти беззвучно, даже шелеста не слышно. Помогала еще ртом – вытягивала губы, то ли вдыхала так, то ли выдыхала, и задирала высоко

заостренный нос.

Потом когда уже не могли больше сидеть рядом, ушли с мамой на кухню. Скорую ждали на констатацию смерти пять часов. Дом старый, комнаты и кухня смежные, на кухне стоит холодильник «Полюс», раритет. Мы слушали тихое равномерное бульканье внутри, что-то переливалось, то ли холодильник, то ли вдруг бабушка, ходили проверяли ее, складывали ей руки, закрывали глаза, подвязывали челюсть.

Смерть сама примиряет с собой, если дает время. Страх есть, но его и нет, мужества не требуется или требуется, но оно приходит само, из ниоткуда. Вера Павлова рассказывала, как писала стихи у постели умирающего мужа. Я пишу, это мой способ, и это честно.

Когда санитары перекладывали бабушку с дивана в специальный пакет, она издала что-то, похожее на стон и хрип одновременно. Мама, которая подходила к бабушке, щупала ее, чувствовала, как она холодеет, как коченеют руки и ноги, испугалась, кинулась к пакету, ко мне: «Оля, Оля, что это, а как же? Она что?» – я растерялась, не смогла ответить, санитары пояснили: «Воздух выходит» – и тогда я отмерла и стала говорить.

Инструкция

Процедуру захоронения, разумеется, я знаю не только по работе – несколько раз помогала родственникам и друзьям хоронить близких.

Как должно быть. Родственники, если смерть наступила дома, вызывают скорую помощь на констатацию и полицию. В регионах вместо скорой может прийти и терапевт из районной поликлиники в будни в рабочее время. Полиция отправляет участкового, что тоже соблюдается не всегда. Он, если не заметит ничего подозрительного, описывает труп и дает направление на вскрытие. По закону с некоторых пор вскрывают всех умерших. Здесь есть два пути. Участковый может направить труп на патологоанатомическое исследование. Скорее всего, так произойдет с бабушками-дедушками и старенькими

родителями, которые давно болели, имели традиционный букет болячек – сердце, давление, диабет, онкология – и наблюдались в поликлинике или лежали недавно в больнице. Патологоанатомические морги существуют при больницах, смерть в стационарах вскрывается в большинстве случаев. Патологоанатомы не исследуют трупы скончавшихся в больнице, если родственники напишут заявление с просьбой выдать тело без вскрытия и история болезни умершего покажется прозекторам убедительной. Патологоанатомы вскрывают домашнюю смерть, если нет подозрений на насильственную – травму, например. При этом патологоанатомы также имеют право не вскрывать трупы, поступившие из дома, если родственники умершего предоставят необходимые медицинские документы и напишут аналогичное заявление.

Участковый иногда заподозрит что-нибудь – и домашнюю бабушку отправит на судебку с синяками на ногах или руках. И никому не интересно, что синяки у бабушек и дедушек зачастую образуются от легкого прикосновения, держатся долго, заставляя задуматься о «жестокое обращение».

Необходимые медицинские документы: медицинская карта из поликлиники (естественно, если последняя запись там не двадцатилетней давности, а посещения поликлиники были достаточно регулярными), выписки из стационаров, где лечился умерший за последние годы по поводу основных своих заболеваний, – выписка про удаление вросшего ногтя или обрезание крайней плоти в подростковом возрасте из-за фимоза не подойдет. Патологоанатомы изучат предоставленную документацию и, если информации им хватит, выдадут медицинское свидетельство о смерти без вскрытия тела.

Участковый может также направить труп на судебно-медицинское исследование, в морг местного Бюро судебно-медицинской экспертизы. Делается это вот в каких случаях: возраст умершего не столь почтенный или совсем не почтенный – дети, подростки, взрослые лет до шестидесяти, а то и семидесяти, смерть не домашняя, а, например, в магазине или в той же поликлинике, на работе, пусть даже вы приличная гардеробщица в краеведческом музее, тетя Глаша, семидесяти восьми лет от роду. Участковый иногда заподозрит что-нибудь и домашнюю бабушку отправит на судебку с синяками на ногах или руках. И никому не интересно, что синяки у стариков зачастую образуются от легкого прикосновения, держатся долго и не сходят,

пугая всех своей чернотой и заставляя задуматься о «жестокое обращении» там, где его нет. В судебно-медицинской вскрытии всех и обязательно. Родственники могут попробовать обратиться к начальнику районного отделения полиции, которое направило тело на вскрытие (откуда участковый), и получить разрешение на выдачу тела без данной процедуры. Это фиктивная бумага, про нее ни в одной статье законов не написано, но на практике работает, правда, выдают такие разрешения очень неохотно.

Если участковый заподозрит травму, убийство, или просто ему что-то покажется подозрительным, или он боится принимать решения и прикрывает себя, он вызывает дежурного следователя с группой, а они точно направляют труп на судебное вскрытие. Естественно, на судебно-медицинскую вскрытие автоматически попадают разные травмы – падения, авто и пр. – и убийства.

В любом случае после вскрытия или без вскрытия в патологоанатомическом отделении родственники получают медицинское свидетельство о смерти, с которым идут в ЗАГС или МФЦ за гербовым свидетельством о смерти. С гербовым свидетельством можно оформлять похороны, то есть заказывать гроб, принадлежности, договариваться на кладбище и организовывать поминки, а потом и выписывать умершего с жилплощади, вступать в наследство и прочее. Так должно быть, а на деле бывает по-всякому.

Путешествие

В книге Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» герой разъезжает в катафалке с гробом неизвестного ему человека, гроб где-то ждут родственники, а пассажиры катафалка (Петров там не один) и водитель блукают по городу в соответствии со своей внутренней логикой, заходят у приятеля в доме, пьянствуют, гроб к месту назначения доставляют на следующий день. В моем детстве тела умерших оставались дома до похорон. Гробы стояли на табуретках или столе посреди комнат, приходили родственники и знакомые, а в день похорон гроб выносили на улицу, опять же ставили на табуретки, чтобы попрощались соседи, знакомые, потом грузились в автобусы и ехали на кладбище. Бывало еще, конечно, перед кладбищем заезжали в церковь, отпевали или батюшка приходил отпевать домой. У умершего была практически одна дорога. Сейчас с покойными прощаются в ритуальных залах при моргах,

больницах, крематориях.

От места смерти до упокоения в земле или в печи тело совершает целое путешествие. Сначала в морг в трупоперевозке – это такая переоборудованная скорая на несколько тел с наглухо покрашенными молочно-белыми стеклами и полками внутри. В морге, если добавить деталей, другое средство передвижения – каталка. Современные каталки имеют подъемный механизм с педалью. На каталке тело едет от приемки трупов до холодильника.

В современных моргах в крупных городах холодильники кассетные. В подвалах стоят серые гиганты, навевающие размышления о заготовках в промышленных масштабах, с ручками, как у старых ЗИЛов, и выдвигающимися полками, укрепленными в пазах. Модные каталки с педалью как раз подходят для таких кассетных холодильников, потому что не имеют столешниц. На остовах каталки устанавливаются полки из холодильников, они же столешницы. Есть ли у наших морговских каталок в дополнение к регулировке высоты тормозная система или дополнительное пятое колесо, подключаемое для прямолинейного движения, я не знаю. У медицинских каталок, используемых в больницах, в реанимации например, точно есть. В городах поменьше покойный по моргу передвигается на каталке попроще, без регулировки и тормоза – регулируют и тормозят санитары. Вместо кассетных холодильников – холодильные камеры, комнаты с двух-трехъярусными полками вдоль стен. В такие камеры заходишь сам, ищешь труп, укладываешь на каталку и выходишь-вывозишь. Двери тяжелые, с массивным запирающим механизмом снаружи: если тебя случайно закрыли внутри, услышат не сразу. Естественно, истории такие случались. Меня саму однажды закрыли в камере, когда я спустилась, чтобы набрать еще материала для дополнительных анализов от вскрытого тела – выяснились новые обстоятельства смерти, возникли новые подозрения. Выпустили меня сразу же, я услышала звуки и забарабанила в дверь. Вот до чего может довести бдительность сотрудников, которые просто проходили мимо и заметили, что дверь не заперта.

В морге тело перемещается из холодильника на секционный стол, если будут вскрывать, а потом обратно, или же его хранят в холодильнике до выдачи. Перед выдачей труп моют, гримируют, одевают. Чаще это делают накануне, потом снова помещают в холодильник. В гроб тело укладывают перед самой выдачей и, как правило, уже в траурном зале, гроб родственники могут заказать и в другом месте, его доставят к прощанию.

До места упокоения в земле или в печи тело совершает целое путешествие. Сначала в морг в трупоперевозке – переоборудованной скорой на несколько тел с наглухо покрашенными молочно-белыми стеклами и полками внутри. В морге – на каталке от приемки трупов до холодильника.

Конечно, в моргах есть лифты, без них никак, причем в старых моргах еще сохранились пандусы на случай, если лифт сломается: между этажами наклонная плоскость, маленькие дверцы, вызывающие ассоциации с кухонными лифтами в жилых домах. В далекие времена только этими пандусами и пользовались, спускали по ним трупы, например гнилые, в подвал. Секции для гнилых трупов располагались в подвалах (и сейчас располагаются в основном там же), неудивительно, что переломы черепа появлялись один за другим. Эксперты потом гадали, прижизненные повреждения или посмертные, – при исследовании гнилостно измененных трупов это трудно установить.

В траурном зале родственники и близкие умершего прощаются с ним, здесь же можно провести отпевание, батюшки приходят в морг. Иногда родственники хотят проводить отпевание непременно в церкви. Тогда тело, уложенное в гроб, после прощания везут в церковь, а только потом на кладбище или в крематорий. Там можно попрощаться еще раз, но, по опыту, это очень травматично для родственников, лучше закрывать гроб в зале, если не предполагается церковное отпевание.

Раньше гробы заколачивались исключительно гвоздями, но слышать стук молотка не было никакой возможности, даже если хоронили чужого, незнакомого человека. Потом появились дорогие гробы иностранного производства с разделенной надвое крышкой, которая завинчивается шурупами с резными красивыми головками, так что можно для прощания оставлять открытой только верхнюю часть тела. Сейчас даже у обычных, обитых сатином гробов санитары завинчивают крышки шуруповертом. В крематории есть еще один, последний подъемник, с помощью которого гроб с телом опускают в подвал, а потом транспортируют до печи. На кладбище нет подъемника, гроб опускают на веревках или специальных полотнищах. Последнее изобретение – сингуматор, ритуальный лифт, сама ни разу не видела живьем, только на картинках в Сети. Получается, тело после смерти активно путешествует – часто так, как человек не путешествовал при жизни, шутят санитары, особенно если родственники выстраивают многоходовую комбинацию похорон в несколько этапов в разных местах.

Особо придирчивые или способные трезво оценивать затраты и удобство родственники могут перевезти тело для прощания в другой морг или дом скорби – я имею в виду такие дома прощания, где трупы не вскрываются, секционных залов нет, но есть все остальное, необходимое для похорон. Тело в гробу перевозят уже на катафалке. Происходит это по разным причинам. У кого-то в доме прощания или в другом морге работают родственники или знакомые, кому-то это место ближе и удобнее, где-то, в конце концов, ниже цены на ритуальные услуги. В интернете за последний год мелькала пара историй, как родственники умершего подъезжали к самому большому моргу в Москве с гробом на крыше легковой машины, забирали тело и везли в Самару. Или впихивали гроб в салон такси на заднее сиденье. Конечно, объясняется все банально – отсутствием денег и непомерными ценами на ритуальные услуги. Правда, со случаем в такси ритуальщики подсуетились и прокомментировали в том духе, что, мол, такси ездят по выделенной полосе, а на катафалки этот закон не распространяется, ритуальные кортежи стоят в многочасовых пробках.

Случаются ли ошибки с трупами, как с живыми людьми? Всякое бывает. Казусы, когда тела путешествуют по неверным маршрутным листам, очень редко, но случались. Много лет назад в один день в морг, где я работала, поступили два трупа бабушек, А.М., шестидесяти восьми лет, и М.М., семидесяти четырех лет. Обе среднего роста, сухонькие, седые, одна с короткими волосами, у второй волосы подлиннее, собраны в тощий хвостик на затылке. Одежда у обеих простая, опрятная, где-то заштопанная. Бабушек вскрывали разные эксперты в один день, и ту и другую похоронили от традиционных старческих болячек, от ишемической болезни сердца. А.М. жила одна, близких родственников не было, но нашлись те, кто похоронит. М.М. жила с детьми и внуками. Справки выдали быстро. Похороны оформили на один день с разницей в пару часов. С А.М. попрощались в траурном зале при морге, здесь же ее отпел батюшка, а потом тело повезли на кладбище, которое было близко, чтобы похоронить рядом с мужем. Народа было немного – соседки, подружка, – а до кладбища и вовсе доехали не все. Рассусоливать не стали, гроб закрыли еще в морге, готовились опускать. Как вдруг, трам-тарарам, переполох, бежит сторож, кладбищенский бухгалтер (никого больше из администрации не было), за ними идут люди, решительные, торопятся, кричат на ходу, ноябрь, холодно. Сторож несет гвоздодер, на лицах ужас. На каком этапе перепутали трупы – трупоперевозка, в морге на приемке, на выдаче или эксперты, – теперь уже не разобраться. Дети и внуки М.М. в «своем» гробу на прощании обнаружили совершенно другую бабушку, и, хотя мертвых на самом деле можно не узнать, смерть заметно меняет лица, особенно для тех, кто при самой смерти не присутствовал, сомнений не было. Стали в морге разбираться по документам, по протоколам

осмотров трупов, по актам исследований – хорошо, успели. Дальние родные А.М. давно ее не видели, немногочисленные соседки и приятельницы не приглядывались или решили, что после смерти так и должно быть, и собирались захоронить чужую бабушку.

В моей практике был случай, когда поездки на кладбище и перекладывания тел удалось избежать. Два трупа доставили из одной комнаты в общежитии. Мужчины, двадцати четырех и двадцати семи лет, рост средний, телосложение среднее, нормостеническое, упитанность тоже средняя, удовлетворительная. Короткие стрижки, русые волосы, трусы, у одного в клетку, у другого в полоску. На место происшествия следственно-оперативная группа не выезжала, участковый написал один общий протокол осмотра (в таких случаях правильно составлять один протокол осмотра на два или более трупов, чтобы можно было представить цельную картину), и в пункте «одежда» указал дважды серые трусы. Трусы и правда были серые у обоих. Я почувствовала неладное только на стадии забора биоматериала на дописследования, когда подписывала направления в лаборатории. Лаборантка случайно перепутала фамилии – в направлениях на один труп указала разные фамилии. Стали разбираться, перепечатывать, я окончательно запуталась, вновь подняли трупы из камеры, и тогда обнаружили, что трупоперевозка перепутала бирки.

В интернете мелькала пара историй, когда родственники умершего подъезжали к самому большому моргу в Москве с гробом на крыше легковой машины, забирали тело и везли в Самару. Или впихивали гроб в салон такси на заднее сиденье.

В больших городах трупоперевозка, естественно, маркирует каждый труп, на конечности надевает бирки с ФИО трупа и датой. Московская служба снабжена бобинами с самоклеящимися бирками, бирки пронумерованы, с перфорацией, вешаются по две на труп: одна на руку, одна на ногу. Номера бирок фиксируются в сопроводительном листе трупоперевозки и сверяются санитаром на приемке в морге.

Понятно, что с двумя ничем особо не выделяющимися молодыми мужчинами легко ошибиться, и только само провидение спасло всех нас, тем более что одного родственники увезли хоронить в Курскую область, а второго хоронить отказались, никто из родных не приехал, впоследствии тело было захоронено за

государственный счет.

Дети и внуки М.М. В «своем» гробу на прощании обнаружили совершенно другую бабушку. На каком этапе перепутали трупы – трупоперевозка, в морге на приемке, на выдаче или эксперты, – теперь уже не разобраться.

Бывает и такое, что естественная настороженность, необходимая экспертная «чуйка» перерастает в маниакальные страхи. Истории про людей, которым приходится бегать по госучреждениям и доказывать, что они не умерли, можно услышать до сих пор. Однажды мне на вскрытие привезли труп неизвестного мужчины. Не успела я выйти из секции, как в регистратуру уже позвонили какие-то дамы из Минска, мать и дочь, которые утверждали, что это именно их муж и отец, при этом путались в показаниях про одежду и личные вещи покойного. Такая скорость и настойчивость очень насторожила. Я сразу придумала легенду, что таким образом белорусская мафия в неизвестном мужчине хочет спрятать члена своего клана, особо отличившегося в разборках и карательных операциях. А на самом деле живому бандиту дать новое имя, документы и таким образом скрыть от правосудия. Труп потом опознали, оказался он из Воронежа, а сумасшедшие крикливые женщины больше не звонили.

Ритуал

К сожалению, сотрудники многих учреждений, связанных со смертью и похоронами, не знают федеральных законов и устанавливают свои правила на местах. Точнее, идут на поводу у ритуальных агентов.

В Москве ситуация лучше, чем в регионах, законы соблюдаются чаще, ритуальный бизнес, естественно, процветает, но некая дистанция между ритуалом и судебкой, ритуалом и патанатомией, хотя и довольно иллюзорная, все же существует.

Не раз сталкивалась с тем, что ритуал и экспертов отождествляют. В идеальных представлениях бюро судебно-медицинской экспертизы – это государственные

учреждения, а ритуальные агентства – частные структуры. Экспертные бюро устанавливают «истину» – причину смерти, ритуальные агентства занимаются похоронами: работа с телом, гроб, ритуальные принадлежности, место на кладбище, транспорт и поминальные обеды.

Процесс похорон у нас основан на христианских обрядах, остатках языческих ритуалов, не осознаваемых уже как языческие, общенациональных традициях, обусловленных исторически, и местечковых правилах, окончательно все путающих и усложняющих. Родственники хотят вот так и вот так, а еще обязательно с рюшами и в ночь на Ивана Купалу. Агентства, не моргнув глазом, обещают все и сразу, а дальше вытягивают из людей, пользуясь их горем, астрономические суммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Изменения, которым подвергаются органы и ткани трупа после наступления биологической смерти. Трупные явления подразделяются на ранние и поздние. К ранним относятся охлаждение трупа, трупные пятна, мышечное окоченение, высыхание и аутолиз; к поздним – гниение, мумификация, жировоск и торфяное дубление. – Прим. ред.

2

Скоропостижной называется быстро наступившая смерть среди кажущегося здоровья от скрыто протекающего заболевания. – Прим. ред.

3

Черепно-мозговая травма. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fateeva_ol-ga/skoropostizhka-sudebno-medicinskie-opyty-vskrytiya-rassledovaniya-i-prochie-istorii-o-tom-chto-proishodit-s-nami-posle-smerti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)